

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ В СУДЕ

Сидоров А.С.

доцент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права
Тюменского государственного университета, адвокат НО «Тюменская
межрегиональная коллегия адвокатов»; advokatsidorov@mail.ru

Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации внесено новое основание для принятия решения об оглашении показаний потерпевших и свидетелей, не явившихся в суд. Оно касается случая, когда в результате принятых мер установить место нахождения указанных лиц для вызова в судебное заседание не представилось возможным. Такое решение может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. В данной статье автор высказывает и аргументирует позицию о том, что рассматриваемое положение не только нарушает право подсудимых на защиту, но и создает предпосылки для новых вариантов противодействия расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел.

Ключевые слова: суд, обвиняемый, подсудимый, потерпевший, свидетель, оглашение показаний.

Одной из объективных трудностей для суда, которые возникают в уголовном процессе на стадии судебного разбирательства, является невозможность дать непосредственную оценку показаниям потерпевших и свидетелей в связи с неявкой данных лиц в суд.

В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению гражданина А. в совершении убийства и причинении тяжкого вреда здоровью нескольких человек, в котором автор участвовал в качестве защитника обвиняемого*. *Стороной обвинения было заявлено о необходимости вызова в суд для дачи показаний 31 свидетеля. Однако ни один из них по вызову не явился. В связи с тем, что сторона защиты возражала против оглашения их показаний и настаивала на вызове данных свидетелей, дело рассматривалось в суде почти год (в ходе дальнейших рассуждений мы аргументируем необходимость непосредственного допроса свидетелей в суде по данному делу).*

Основная причина неявки заключалась в том, что места жительства свидетелей находились в разных регионах России на значительном удалении от места расположения суда, рассматривавшего уголовное дело. Некоторые свидетели отказы-

вались явиться в суд, объясняя судебным приставам свое решение отсутствием материальных средств для поездки в суд, невозможностью оставить без присмотра «хозяйство» или считали себя незаменимыми по месту работы.

Конечно, уголовно-процессуальное законодательство содержит такие понятия, как «привод» (ст. 113 УПК РФ) и «процессуальные издержки» (ст. 131 УПК РФ), которые направлены на обеспечение явки потерпевших и свидетелей в суд. Между тем на практике данные нормы не всегда работают так, как задумывались их авторами.

Казалось бы, проблема может быть решена, если суд применит положения ч. 4 ст. 240 и ст. 278.1 УПК РФ, которые позволяют суду в случае необходимости допросить потерпевшего или свидетеля, неявившихся в судебное заседание, путем использования систем видеоконференцсвязи. Однако несмотря на то, что эта норма была введена еще в 2011 году**, на практике до настоящего времени вопрос о применении данного способа общения суда с другими участниками уголовного судопроизводства до конца не решен.

** О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // Рос. газ. 2011. 25 марта.

* Уголовное дело № 1-2/2015 // Архив Ярковского районного суда Тюменской области.

И хотя, по мнению некоторых авторов, «процесс внедрения видеоконференц-связи в практику работы органов судебной системы... набирает силу» и «в этих условиях важно не допустить разрыва между «вызовами времени» в области информатизации и традиционно отстающим от них законодательством» [1], в действительности все происходит наоборот.

Так, в ходе судебного разбирательства по вышеуказанному уголовному делу в отношении гражданина А. судьей была предпринята попытка найти хотя бы один суд районного звена г. Тюмени и юга Тюменской области, где на сегодняшний день технически решен вопрос об использовании видеоконференц-связи. Как оказалось, нигде, за исключением Тюменского областного суда, такой возможности нет. По всей видимости, это «нововведение» требует значительных материальных вложений [2, с. 11-12], а у государства на данном этапе его развития их нет.

Поэтому следует признать, что, не смотря на определенные успехи во внедрении «электронного правосудия» как одного из направления судебной реформы в нашей стране, вопрос об использовании онлайн-технологий для проведения следственных и судебных действий в условиях удаленности участников уголовного судопроизводства друг от друга будет решен не скоро.

Можно предположить, что, учитывая данное обстоятельство, законодатели «придумали» очередной способ «облегчить» осуществление правосудия по уголовным делам, уточнив порядок оглашения в судебном заседании показаний потерпевших и свидетелей*.

Теперь, кроме ранее содержащихся в статье 281 УПК РФ оснований для оглашения показаний указанных лиц, предусмотрено, что если потерпевший или свидетель не явились в судебное заседание, то суд вправе по ходатайству

* О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

стороны или по собственной инициативе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производившихся с их участием, когда в результате принятых мер установить их место нахождения для вызова в судебное заседание не представилось возможным.

По нашему мнению, это нововведение может привести к значительному росту случаев нарушения принципа законности в уголовном судопроизводстве, к увеличению числа злоупотреблений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а также судебных приставов, в обязанность которых входит исполнение определений суда о приводе неявившихся по вызову потерпевших или свидетелей.

Так, например, по одному из уголовных дел, которое рассматривалось в Калининском районном суде г. Тюмени, судья, вопреки мнению стороны защиты, огласил показания неявившегося в суд свидетеля. Данный свидетель, допрошенный четыре года назад в ходе предварительного следствия, в своих показаниях пояснил, что ничего не помнит. По истечении продолжительного периода времени тот же свидетель был вновь допрошен по тем же обстоятельствам, но на это раз вспомнил событие, о котором давал показания «во всех подробностях». При этом его показания противоречили другим доказательствам, исследованным судом.

В такой ситуации сторона защиты настаивала на обеспечении явки данного свидетеля для допроса в суд. Однако судебные приставы, которых суд обязал осуществить привод свидетеля в суд, сообщили, что он «закрылся в своей квартире и выходить отказывается». В то же время в деле «невесть откуда» появился рапорт какого-то оперативного сотрудника о том, что вызываемый свидетель совершил преступление, его местонахождение не известно, в связи с чем он объявлен в розыск.

Учитывая полученную от указанных лиц информацию, судья сделал вывод, что для оглашения показаний неявившегося

свидетеля имеется основание, предусмотренное п. 4 ч. 2 ст. 281 УПК РФ – «иные чрезвычайные обстоятельства, препятствующие явке в суд», которых на самом деле не было.

Участвовавший в данном процессе в качестве защитника автор данной статьи пытался убедить судью, что вышеуказанные лица вводят его в заблуждение, представив официальную справку из Информационного центра УМВД России по Тюменской области о том, что гражданин, о котором идет речь, правоохранительными органами в розыск не объявлялся*. Суд первой инстанции проигнорировал данный довод. Однако позже суд апелляционной инстанции по жалобе стороны защиты признал оглашенные без согласия обвиняемого и его защитника показания неявившегося в суд свидетеля недопустимым доказательством.

Еще один пример. В самом начале статьи мы обещали, что вернемся к рассмотрению дела в отношении гражданина А., совершившего убийство. Изначально по данному делу суд занял позицию государственного обвинителя, заявившего ходатайство об оглашении показаний всех свидетелей, не явившихся в суд по основанию «чрезвычайности обстоятельств», препятствовавших их допросу в судебном заседании. При этом судья, то ли по своей «забывчивости», то ли умышленно, мнения стороны защиты по заявленному ходатайству не выяснил.

После того, как автор данной статьи, исполнявший в данном судебном процессе полномочия защитника обвиняемого, подал замечание на действия председательствующего и уже в свою очередь заявил ходатайство о признании оглашенных показаний недопустимыми доказательствами, судья решил начать рассмотрение дела с самого начала и вынес определения о приводе свидетелей, которые, не смотря на это, в суд доставлены не были.

Если представить, что судебные процессы по указанным выше уголовным де-

лам имели бы место в настоящее время и те же самые решения об оглашении показаний суды приняли, ссылаясь на новое основание – «когда в результате принятых мер установить их место нахождения для вызова в судебное заседание не представилось возможным», скорее всего, вышестоящие суды не усмотрели бы в этом нарушений закона.

Но как это соотносилось бы с правом обвиняемых на защиту?

Так, по делу А., на которое мы уже ссылались дважды в тексте данной статьи, из показаний свидетелей, допрошенных в ходе предварительного следствия, следовало, что никто из них не был очевидцем преступления. Вместе с тем во всех протоколах допросов «как под копирку» значится: «Кто-то сказал, что порезали пассажиров, и я понял, что это мог сделать А.»

Поскольку в суде допросить этих свидетелей не представилось возможным, источник их осведомленности остался невыясненным: не было установлено, кто именно каждому из них сказал, что «порезали пассажиров», и на чем основаны их выводы о том, что это мог сделать именно А.

Здесь следует учесть, что в соответствии со ст. 75 УПК РФ «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности», относятся к недопустимым доказательствам.

Возникает вопрос: неужели следователь еще на стадии досудебного производства не мог конкретизировать источники информации, имеющейся у свидетелей, допросив их более подробно?

Наверное, следует согласиться с адвокатом М.И. Трепашкиным, который обратил внимание на то, что «нередко следователи получают оговоры от свидетелей, потерпевших, а потом склоняют их еще и к неявке в суд, чтобы те не дали истинные показания, соответствующие действительности. Суды одобряют такие «фокусы» следствия, оглашая показания неявившихся в суд свидетелей или потерпевших, ложно записывая, что вызвано это какими-то

* Уголовное дело № 1-341-13 // Архив Калининского районного суда г. Тюмени.

(ими придуманными) “чрезвычайными обстоятельствами”. Так и фабрикуется обвинительный приговор» [3].

Таким образом, можно предположить, что новое основание для оглашения неявившихся в суд свидетелей и потерпевших, связанное с неустановлением их места нахождения для вызова в судебное заседание таит в себе опасность того, что право на защиту подсудимых, в частности право допрашивать свидетельствующих против них свидетелей, будет нарушаться.

Во-первых, существует риск, что исполнение определения суда о приводе свидетеля может быть поручено недобросовестному судебному приставу-исполнителю или добросовестному, но чрезвычайно загруженному должностными обязанностями. Не исключено, что, не выполнив реально никаких действий, направленных на привод искомого лица, он просто «отрапортует», что установить его местонахождение не представилось возможным. Проверить же добросовестность исполнения поручения суда, по всей видимости, будет невозможно, а если и возможно, то никто этого делать просто не будет по той простой причине, что законодатель не предусмотрел механизма проверки судом результатов работы судебного пристава-исполнителя.

С другой стороны, и судье, рассматривающему дело, будет проще, сославшись на сообщение судебного пристава-исполнителя, огласить показания, данные свидетелем или потерпевшим в ходе предварительного расследования, чем предпринимать какие-то дополнительные действия для его явки в суд, затягивая сроки судебного разбирательства по уголовному делу.

Следует отметить, что в одном из предыдущих проектов Федерального закона «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», внесенных на рассмотрение в Государственную Думу РФ депутатами М.В. Емельяновым, Д.Н. Гасановым, предлагалась формулировка, согласно которой в случае неустановления местонахождения свидетеля, потерпевшего суд выносит

мотивированное определение или постановление о возможности оглашения их показаний только после оценки полноты принятых к установлению их местонахождения мер на основании соответствующих документов*. Однако в принятых поправках к рассматриваемой статье закона такое требование отсутствует.

Критический анализ рассматриваемых «нововведений» в статью 281 УПК РФ вызывает сомнение и в качестве проработки формулировки об условии возможности оглашения показаний неявившихся в суд потерпевших и свидетелей. Речь идет о том, что в случае неявки потерпевших и свидетелей, когда их местонахождение не установлено, решение об оглашении их показаний может быть принято судом «при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами».

Тут, как представляется, кроется подвох. Дело в том, что в большинстве случаев сторона защиты имеет возможность ознакомиться с показаниями потерпевших и свидетелей, а значит, принять решение об их оспаривании лишь по окончании предварительного расследования. С точки зрения нейтрализации возможного противодействия расследованию со стороны обвиняемых и иных заинтересованных в исходе дела лиц это вполне традиционный и приемлемый вариант.

Из формулировки же «поправленной» нормы закона, о которой идет речь, можно сделать следующий вывод. Чтобы показания потерпевших или свидетелей в ходе судебного разбирательства в слу-

* См.: О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по вопросу об основаниях, при которых в судебном заседании могут быть оглашены ранее данные показания потерпевшего или свидетеля в случае их неявки: законопроект № 73514-6: внесен в Государственную Думу РФ депутатами М.В. Емельяновым, Д.Н. Гасановым 14 мая 2012 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

чае их отсутствия в суде могли быть оглашены, следователь (дознатель) заранее должны предусмотреть этот вариант и, не дожидаясь окончания предварительного расследования, предоставить возможность стороне защиты ознакомиться с их показаниями.

Оправдано ли это? И каким образом следователь или дознаватель должны предоставлять такую возможность?

Некоторые коллеги, с которыми мы обсуждали эту проблему, одним из вариантов «оспаривания» доказательств в виде показаний потерпевших и свидетелей видят очную ставку, которая может быть проведена с указанными лицами по инициативе следователя или по ходатайству обвиняемого либо его защитника.

Такой же позиции придерживался и Верховный Суд РФ в своем законопроекте «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*. В нем, в частности, говорилось о том, что «в случаях, перечисленных в пунктах 2-5 части второй настоящей статьи, показания потерпевшего или свидетеля могут быть оглашены лишь при условии, если обвиняемый (подсудимый) в предыдущих стадиях производства по делу имел возможность допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задать ему вопросы и высказать свои возражения».

По каким причинам данная поправка при обсуждении законопроекта в Государственной Думе РФ не прошла, нам не известно. Однако думается, что это предложение само по себе весьма сомнительно. Как представляется, в случае его включения в окончательный вариант обсуждаемой в данной статье нормы уголовно-процессуального закона оно вызывало бы

больше вопросов, чем решало бы проблемы, которые законодатель пытается своими поправками преодолеть.

Во-первых, чтобы заявить ходатайство о проведении рассматриваемого следственного действия, заинтересованные в нем лица должны знать о наличии тех или иных показаний потерпевших или свидетелей в материалах уголовного дела и их содержании. Только в этом случае они могут иметь возможность усмотреть в них существенные противоречия со своими показаниями и выразить свое несогласие с информацией, изложенной в показаниях своих процессуальных оппонентов. Если же следователь не заинтересован в этом, маловероятно, что он сообщит о наличии в материалах уголовного дела этих показаний либо об информации, содержащейся в них.

Во-вторых, само по себе ходатайство стороны защиты о проведении очной ставки еще не обязывает следователя проводить очную ставку, а следовательно, предоставить возможность стороне защиты оспорить доказательства в виде показаний потерпевших и свидетелей, полученных на предварительном следствии.

В-третьих, нельзя не учитывать ситуации, когда подозреваемый или обвиняемый, ссылаясь на положение ст. 51 Конституции РФ, откажутся давать показания на предварительном следствии или в ходе дознания. В этом случае проведение очной ставки, если и имеет смысл с точки зрения оказания психологического давления на указанных лиц (как удачный тактический прием в криминалистическом аспекте) [4, с. 24], то вряд ли будет законным, учитывая, что в этом случае будет нарушено предусмотренное статьей 192 УПК РФ условие о том, что участвующие в очной ставке лица должны быть ранее допрошены, а в полученных показаниях какая-либо из сторон усмотрит существенные противоречия. Если же лицо отказалось давать показания, говорить о наличии указанного выше условия для проведения очной ставки не приходится [5, с. 56].

На самом деле автору данной статьи иные реальные возможности (предус-

* См.: О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении порядка оглашения в судебном заседании показаний свидетеля и потерпевшего): законопроект № 272128-6: внесен в Государственную Думу РФ Верховным Судом РФ 6 мая 2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

мотренными законом способы) оспорить стороной защиты, в том числе подозреваемым и обвиняемым, показания потерпевших или свидетелей, которые были получены от них на предварительном следствии, не известны.

По всей видимости, единственный наиболее приемлемый вариант предоставления возможности обвиняемым (подсудимым) оспорить показания потерпевших и (или) свидетелей на «предыдущих стадиях производства по делу», о которой говорится в «поправленной» ст. 281 УПК РФ, является рассмотрение ходатайства об исключении из числа доказательств показаний потерпевших и свидетелей, полученных с нарушением федерального закона или недопустимых по основаниям, перечисленным в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, в ходе предварительного слушания по делу.

Однако здесь следует отметить, что предварительные слушания проводятся далеко не по каждому уголовному делу. А если и проводятся, то судья, принявший решение о проведении предварительного слушания, заранее не знает, явятся ли потерпевшие или свидетели в суд для дачи показаний или нет.

Как показывает практика, до настоящего времени в большинстве случаев судьи игнорировали ходатайства стороны защиты об исключении доказательств на стадии предварительных слушаний по уголовным делам. Как правило, мотивом отказа в удовлетворении таких ходатайств являлись «преждевременность» и возможность решения вопроса о его допустимости только после исследования непосредственно в ходе судебного разбирательства по делу. Тем самым судьи, по всей видимости, придерживались принципа «экономичности» судопроизводства.

Теперь же, возможно, ситуация изменится. Хочется верить, что судьи будут своевременно рассматривать ходатайства стороны защиты – хотя бы для того, чтобы создать видимость предоставления возможности оспаривания показаний потерпевших и свидетелей. В таком случае, если в будущем (в ходе судебного разбирательства) возникнет вопрос о необхо-

димости оглашения их показаний, можно будет сослаться на то, что требование об оспаривании этих показаний было соблюдено.

Все очень просто. Вы заявили ходатайство об исключении недопустимых доказательств, тем самым оспорили то, что хотели. Теперь у суда «развязаны руки», и ваше несогласие с оглашением показаний неявившихся в суд «процессуальных противников» никакой роли не играет. И не важно, что в споре «победили» не вы.

Таким образом, можно констатировать, что рассмотренная поправка к закону об оглашении показаний неявившихся в суд потерпевших или свидетелей только при условии, если обвиняемому (подсудимому) ранее была дана возможность оспорить эти показания, никаких положительных моментов в плане защиты прав обвиняемых на защиту не привнесла.

Однако существует и положительный момент. Анализ рассмотренных законопроектов, связанных с внесением изменений в ст. 281 УПК РФ, свидетельствует о том, что законодатель все-таки не пошел на принятие еще одной направленной на умаление прав обвиняемых в уголовном процессе «новеллы».

Речь идет о предложении Верховного Суда РФ дополнить ч. 2 ст. 274 УПК РФ следующим предложением: «Обязанность обеспечения явки в судебное заседание лиц, показания которых представляются в качестве доказательств обвинения или защиты, возлагается на соответствующую сторону»*.

Хотя и ранее практика шла по такому пути, когда судьи отказывали стороне защиты в вызове свидетелей, мотивируя свой отказ тем, что «поскольку о допросе свидетелей ходатайствовала сторона защиты, то она и обязана была принимать меры к обеспечению явки свидетелей в судебное заседание» [6], попытка возложить обязанность обеспечения явки свидетелей в суд на сторону защиты в законодательном

* См.: О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: законопроект № 272128-6.

порядке, по всей видимости, предпринята впервые.

Как представляется, требование, согласно которому участники уголовного процесса обязаны сами обеспечить явку в суд свидетелей, противоречит здравому смыслу. В противном случае пришлось бы одновременно наделять не только суд, но и все стороны уголовного процесса правом привода свидетелей, которым они в настоящее время не обладают. Трудно представить, как, например, защитник обвиняемого может обеспечить явку в суд свидетеля, который находится в местах лишения свободы? Или каким образом обвиняемый, находясь под стражей, может обеспечить явку свидетелей, которых считает необходимым допросить, в суд.

Как бы то ни было, можно констатировать, что попытка полностью переложить принятие мер, связанных с вызовом и обеспечением явки в суд свидетелей на участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения, «к счастью», оказалась безуспешной.

Все вышесказанное позволяет согласиться с авторами, которые полагают, что «в последние несколько лет система права в России испытывает на себе бурное влияние инновационной законодательной деятельности, которая является

инструментом и результатом проводимой в стране государственной политики, озаглавленной лозунгом «Глобализация. Модернизация. Инновация». Вместе с тем инновационный законодательный процесс в некоторых случаях лишен позитивных свойств. За большим количеством инноваций скрывается их низкое качество [7, с. 215].

По нашему мнению, низкокачественные, не осмысленные должным образом законодательные новеллы, касающиеся дополнительных оснований для оглашения показаний неявившихся в суд потерпевших и свидетелей, рассмотренные в данной статье, не только нарушают право обвиняемых (подсудимых) на защиту, но и создают предпосылки для новых вариантов противодействия расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел.

Отсутствие средств у государства на техническое обеспечение возможности использования видеоконференцсвязи для проведения допросов потерпевших и свидетелей по уголовному делу по объективным причинам не имеющим возможности явиться в суд для дачи показаний, не должно подменяться законодательными «манипуляциями», умаляющими гарантии прав обвиняемых на защиту.

1. Сильнов М.А., Герман А.С. Практика применения видеоконференц-связи в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 56-59.
2. Вяткин Ф., Зильберман С., Зайцев С. Видеоконференцсвязь при рассмотрении кассационных жалоб // Российская юстиция. 2000. № 6.
3. Трепашкин М.И. Очная ставка – не дубина, а средство устранения противоречий в уже имеющихся показаниях (заметки адвоката) [Электронный ресурс] // Ваш адвокат. Михаил Трепашкин и партнеры URL: <http://www.trepashkin.com/news/articles?id=93> (дата обращения: 10 марта 2016 г.).
4. Китаев Н.Н. Очная ставка – эффективное следственное действие в арсенале настоящих профессионалов // Российская юстиция. 2008. № 4.
5. Желтобрюхов С.П. Очная ставка не оправдывает себя как следственное действие // Российская юстиция. 2008. № 1.
6. Сидоров А.С. Обеспечение права обвиняемого на вызов и допрос свидетелей: закон и практика // Уголовное судопроизводство. 2008. № 2.
7. Шарапов Р.Д. О некоторых инновациях в УК РФ 2011-2012 гг.: критический обзор // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Тюмень, 2-3 ноября 2012 г. Вып. 9. Тюмень: Тюменская областная Дума; ТГАМЭУП, 2012.